

Т.В. Евдокимова

Рейхсканцлер Веймарской республики Филипп Шейдеман: человек и политик

Ключевые слова: правящая политическая элита, Веймарская Германия, рейхсканцлер, Филипп Шейдеман, Фридрих Эберт, Версальский мирный договор, обер-бургомистр.

Keywords: ruling political elite, Weimar Germany, Phillip Scheidemann, Friedrich Ebert, Reichskanzler, Versailles Peaceful Treaty, Ober-Bümeister.

Германская история неоднократно демонстрировала значимость субъективного фактора. В силу господства авторитарного государства и соответствующего менталитета традиционно объектом поклонения в Германии являлись прусские дворяне, сделавшие военную карьеру. После революции 1918–1919 гг. впервые шла апробация демократической личности на примере деятельности представителей социал-демократической партии Германии (СДПГ), судьба которых оказалась достаточно трагичной. В силу ряда обстоятельств, как внутривополитических, так и международных, они были обречены пройти путь общественного порицания и непонимания. Эти люди по большей части или ушли в небытие, или до сих пор имеют неоднозначную трактовку своей деятельности. К их числу в первую очередь относится Филипп Шейдеман, первый рейхсканцлер Веймарской Германии, в то время именовавшийся рейхсминистр-президентом. Он возглавлял кабинет с 13 февраля 1919 г. по 21 июня 1919 г.

Современники давали Шейдеману такие характеристики, как «несколько странный человек», «остроумный, веселый, шаловливый, с очень большими способностями», «сложный в общении»; «способный журналист и редактор, хороший парламентарий и блестящий находчивый оратор...»; «мужественный человек, готовый к тому, чтобы делать выводы из своих поступков, даже тогда, когда это было невыгодно ему самому...»; «ловкий, но несколько поверхностный», «для серьезной управленческой работы не особенно пригодный» [1, S. 171; 2, S. 165; 3, S. 131].

Суждения о Шейдемане современников, имевших буржуазное или дворянское происхождение, содержали негативные оценки. Например, граф Г. Кесслер передает в своем дневнике мнение Вальтера Ратенау, предпринимателя и публициста, о Шейдемане: «Сегодня время маленьких людей... Шейдеман, Науманн, Кюльман; все – низкорослый лес: всех этих людей можно перепутать друг с другом без опасения, что это кто-то заметит...» [4, S. 134].

Шейдемана часто противопоставляли принцу Макс Баденскому, наследнику трона правящего дома,

который был в родственных отношениях со всеми династиями Европы. Отец же Шейдемана продолжал традиции гессенского бюргерства и ремесленников, являясь первоклассным обойщиком и мебельщиком. Посещение Филиппом Шейдеманом высшей бюргершULE, тяжелое материальное положение после смерти отца, обучение печатному делу, членство в запрещенной СДРП в 18 лет – все это, с точки зрения германских политических традиций, говорило о том, что его происхождение и образование явно не соответствовали должности второго человека в государстве.

Приходу Шейдемана к власти предшествовала обрывчатая карьера, сделанная в рядах СДПГ: редактор социал-демократических газет в Гизене, Нюрнберге, Касселе; депутат рейхстага от СДПГ с 1903 г., секретарь правления партии с 1911 г.; сопредседатель фракции СДПГ в рейхстаге с 1913 г., с 1917 г. – председатель СДПГ [5, S. 286–287].

Его имя стало широко известно в Германии после того, как 9 ноября 1918 г. он провозгласил Германскую республику [6, s. 2], что потрясло многих немцев после многолетнего существования Германской империи. Шейдеман сделал это сознательно. При этом он выступал как противник не столько монархии вообще, сколько неспособных монархов, дискредитировавших идею монархии в условиях Первой мировой войны. С другой стороны, представитель радикально настроенной части рабочего класса, «спартаковец» К. Либкнехт, хотел использовать лозунг республики для привлечения на свою сторону революционных масс [7, с. 267]. Шейдеман решил на то, что требовало большинство сторонников социал-демократии во всем рейхе, но что вызвало протест другого лидера социал-демократии Ф. Эберта, считавшего, что форму государственного устройства должно определить Национальное собрание [8, с. 51–52].

Именно Эберт и Шейдеман стали главными претендентами на высшие государственные посты – рейхсканцлера и рейхспрезидента – после выборов в Национальное собрание. По свидетельству В. Кайля, «между Эбертом и Шейдеманом господствовало определенное соперничество». Кайль, дружески настроенный к Шейдеману, все же выдвигал следующие аргументы в пользу Эберта: «Шейдеман был блестящим оратором с определенными раскованными манерами, которые иногда заставляли сомневаться в их искренности и вызывали вопрос, какой процент риторического священного огня должно быть отнесено

на счет театральности. Эберт, напротив, представлял собой всегда серьезного, достойного и энергично выступающего государственного человека». [1, S. 171].

Шейдеман сам признавал, что Эберт был лучшим партийным политиком, поэтому не удивительно, что именно он захватил инициативу. Он добился того, что фракция последовала за рекомендациями Э. Давида, предложившего избрать Эберта рейхспрезидентом, а Шейдемана – министр-президентом, не услышав контраргументы представителя Баварии Ауэра, что Эберт в свое время выступал против провозглашения республики. Шейдеман признал «мастерский тактический успех» соратника по партии: «Фридрих Эберт несомненно являлся, как он это опять доказал, наиболее подходящей кандидатурой на должность рейхспрезидента. Он – не только умный, но и энергичный политик» [9, S. 358]. Ф. Эберт, в свою очередь, признавался, что ему не достает риторических и агитационных способностей, которыми обладал Шейдеман, они были так необходимы ему, чтобы проводить более четкую политику.

Германский исследователь СДПГ Сюзанна Миллер объясняет такой исход противостояния «как неизбежный результат превосходства Эберта во всех ситуациях, где принимались политические решения и действия» [10, S. 250]. Шейдемана с его склонностью к жестам и с тщеславием отличала «выразительная артикуляция идей и чувств тех социально-политических групп, которые он представлял» [10, S. 251].

Хотя Шейдеман и обратил внимание на преимущества Эберта, но он не был готов безоговорочно подчиняться представлениям Эберта и фракции. Когда во время коалиционных переговоров с ГДП и ПЦ относительно поста президента Национального собрания, СДПГ потребовала его для Давида, что было отвергнуто, фракция решила отказаться от поста рейхсканцлера и потребовать пост вице-канцлера. Получалось, что ради Давида руководство хотело пожертвовать Шейдеманом. 9 февраля 1919 г., во время разговора Шейдемана с Эбертом в присутствии Давида, было принято решение, согласно которому Давид отказывался от своего поста в пользу К. Ференбаха, представителя ПЦ, и получал пост министра без портфеля в будущем правительстве.

В новом кабинете Шейдеман являлся первым среди равных, но при этом нес перед рейхстагом ответственность за основные направления имперской политики. Его позиции оказались не такими слабыми, как этого, может быть, желал Эберт. Ни в коем случае Шейдеман не был исключительно исполнителем приказов рейхспрезидента, что пытался доказать в первые же дни пребывания на посту рейхсканцлера. Так, например, Эберт предложил Шейдеману утвердить проект бюджета службы рейхспрезидента, что должно было способствовать, по мнению Шейдемана, созданию совершенно самостоятельной имперской службы с боль-

шим аппаратом. Шейдеман отклонил первый проект по финансовым причинам и второй – с аргументацией желания «предотвратить опасность возникновения соседнего правительства (Nebenregierung), ... и перехода однажды этой службы в руки одной партии» [11, S. 181–182].

В составе кабинета Шейдемана вошли 7 бывших статс-секретарей и унтерстатс-секретарей имперского кабинета Макса Баденского (Ф. Шейдеман, О. Шиффер, Г.А. Бауэр, Р. Шмидт, И. Гисбертс, Э. Давид и Эрцбергер); 6 бывших членов Совета народных уполномоченных (У. фон Брокдорф-Ранцау, Г. Пройс, Р. Виссель, Г. Носке, О. Ландсберг, Й. Коэт) и два человека, ранее не участвовавших во власти (И. Белль, Г. Готхайм).

О революционном правительстве не было и речи, так как в нем отсутствовали представители радикального крыла. С некоторыми отступлениями его можно отнести к кабинету буржуазно-либеральной середины. В Национальном собрании оно имело такую поддержку, как никакое другое правительство Веймарской Германии. Но внутри кабинета существовали серьезные противоречия по важнейшим проблемам: отношение правительства к условиям перемирия и представления о будущем порядке в Германии. Также имелись разногласия на личностном уровне между членами кабинета: у Висселя присутствовала устойчивая антипатия в отношении Шмидта, Готхайм использовал любой предлог, чтобы одернуть Висселя; Эрцбергер по вопросам внешней политики находился в постоянной конфронтации с Брокдорфом-Ранцау. Между собой переплетались служебные и личные, деловые и партийно-политические мотивы, вызывавшие оживленные дискуссии, поэтому достаточно часто требовалась спокойная и уравновешенная деятельность Шейдемана, чтобы не допустить преждевременного распада кабинета. «Не в последнюю очередь, благодаря Шейдеману, кабинет, несмотря на личное противостояние, продержался с середины февраля до июня 1919 г. и смог принять ряд законов и провести ряд реформ» [11, S. 183].

Что же касается конституционных компетенций Шейдемана, то в этом коллегиальном кабинете они позволяли ему быть не более чем своего рода «Diskussionleiter» («руководитель дискуссий») [12, S. XXXVI]. Кабинет Шейдемана, как и кабинет Бауэра, до вступления в силу Веймарской конституции [13, S. 141 ff.] задумывался как чисто коллегиальный кабинет со значительной автономией отдельных министров и бросающимся в глаза безвластием рейхсминистр-президента. Кабинет как целое занимал относительно слабое положение по отношению к отдельным ведомствам и о настоящем руководстве со стороны рейхсминистр-президента, что создавало предпосылки для возникновения сильных центральных органов, не могло быть и речи. Круг стоявших проблем был

настолько сложен, что в коллегиальном правительстве Шейдеман мог только проиграть. И Эберт это точно предвидел и тактично, умело определил на этот пост Шейдемана. Эберт как рейхспрезидент находился вне повседневной работы и мог спокойно ожидать, когда этот неудобный товарищ Шейдеман «замкнется в себе» [11, S. 185].

Как свидетельствуют документы, Шейдеману удавалось балансировать между различными интересами, убедительно влиять на контрагентов и сглаживать противоречия. Он видел свою роль в качестве руководителя дискуссий и арбитра при определении конструктивных точек зрения; принимал решительные меры для разрешения острых конфликтов. В основном он дискуссировал в Национальном собрании, где политика правительства подвергалась нападкам со стороны оппозиции.

Шейдеман не отрицал факта наличия внутри вновь образованного правительства господства «различных представлений относительно идеала будущего общественного порядка», но этот спор отступал перед дискуссией по поводу принятия мирного договора [14, S. 26 ff].

Проблема войны и мира занимала особое место в деятельности Шейдемана. С началом Первой мировой войны и дискуссий внутри партии относительно голосования «за» или «против» военных кредитов Шейдеман являлся той фигурой, которая пыталась посредничать между реформистами и радикалами. Что же касается вопроса о мире, то в СДПГ он приобрел персонифицированный характер. Появилось выражение «шейдемановский мир». Хотя при благоприятном военном положении в рядах социал-демократов давали о себе знать аннексионистские тенденции, тем не менее «отказ от любых завоевательных планов и право нации на самоопределение оставались для партии основными принципами достижения «мира на основе взаимопонимания» [15, с. 87–88]. Этот «мир на основе взаимопонимания» и получил название «шейдемановского».

Проблемы мира занимали центральное место и во время деятельности правительства Шейдемана: из 450 повесток дня заседания кабинета 170 были посвящены послевоенному урегулированию.

Программа Шейдемана по выходу Германии из войны включала в себя такие положения, как твердое следование основным положениям «14 пунктов Вудро Вильсона» с требованием отклонения насильственного мира; возвращение германских колоний; немедленное освобождение германских военнопленных; равноправное участие и всестороннее разоружение; наличие обязательного третейского суда по предотвращению будущей войны. (При чтении выдвинутых Шейдеманом условий создавалось впечатление, что Шейдеман так до конца и не понял, что Германия проиграла войну.)

Шейдеман охарактеризовал Версальский договор как «самую гнусную фальшивку, которая источала слепую ненависть и бессмысленную ярость» [9, S. 363]. Протоколы заседаний правительства от 21 марта и 21 апреля 1919 г. свидетельствуют о том, что германское правительство знало довольно точно, что его ждет, иначе они не определили рамки переговоров. До 18 апреля правительство было убеждено, что германская делегация на мирной конференции будет опираться на мирные условия, сформулированные Вильсоном, что никаких других альтернатив не предполагается.

Кабинет сформировал комиссию для переговоров из 6 человек во главе с министром иностранных дел Брокдорфом-Ранцау, которого Эрцбергер в письме к Шейдеману обвинил в отсутствии компетентности [12, S. 244]. Брокдорф-Ранцау расценил это как «вмешательство в его полномочия» [12, S. 258].

Нота от 7 мая 1919 г. положила конец спору между кабинетом и делегацией. Кабинет был един во мнении, что переговоры необходимо вести, а не прерывать как «неприемлемые» [12, S. 303] 9 мая в кабинете была сформулирована цель: объединить рабочих, буржуазию и служащих с целью оказания поддержки правительству в выдвигании им требования заключения мира на иных условиях. При этом пропаганда правительства не ограничивалась вопросом о принятии или отклонении мира. Предполагалось, что народ должен был отстаивать формулировку «невыносимый» и «невыполнимый» [12, S. 308] или даже лучше – «неприемлемый».

После выступления Шейдемана на заседании кабинета было принято решение признать предлагаемый мир «неприемлемым». «Против» высказались Носке, Эрцбергер и Давид. Реально мыслящий Эрцбергер считал данное решение «победой на один день», не гарантирующей положительного исхода дела. Эрцбергер оценил силу слов «невыносимые» и «невыполнимые». Но, с его точки зрения, «если же они, опираясь на мощное народное движение не произведут на противника никакого впечатления, то и слово «неприемлемый» также ничего не изменит» [16, S. 386 ff].

Выступая на заседании Национального собрания 12 мая 1919 г. в актовом зале Берлинского университета, Шейдеман сказал относительно планов территориального передела Германии следующее: «...мы являемся единым куском плоти и крови, и тот, кто попытается нас разделить, тот вонзит нож убийцы в живое тело немецкого народа» [17, S. 1082 ff].

Когда же речь пошла об отдельных условиях договора, Шейдеман произнес слова, которые в Веймарской Германии стали лозунгом: «Я спрашиваю вас: кто может как честный человек, я не хочу даже говорить как немец, только как честный, верный договору человек пойти на такие условия? Какая рука не должна отсохнуть, которая нас заключает в эти оковы? ...мы имеем контрпредложения, мы будем

и дальше их выдвигать... Наша священная задача заключается в том, чтобы вести переговоры. Это договор по мнению рейхсправления неприемлем» (*в течение минуты раздавались аплодисменты. Присутствующие поднялись*).

За данной риторикой Шейдемана трудно было скрыть очевидное: Антанта предложила побежденной Германии условия аналогичные, если не более жесткие тем, которые поставила Германия побежденной России в Брест-Литовске в марте 1918 г. [18, S. 401].

На съезде СДПГ в Веймаре, состоявшемся 10 июня, ответственным за доклад по внешней политике сделали Э. Бернштейна, а не Шейдемана, что было бы логично. Сама кандидатура Бернштейна представляла собой своего рода провокацию базиса против партийного руководства, так как Бернштейн первоначально находился в НСДПГ, пока та не запретила двойное членство. Бернштейн считал, что следует подписать договор без ограничений, так как 9/10 условий являются «неизбежной необходимостью». Это побудило Шейдемана назвать Бернштейна «адвокатом черта» [1, S. 272].

19 июня большинство Национального собрания высказалось за подписание Версальского договора. Шейдеман объявил о своей отставке, считая отклонение Версальского договора «тактически правильным решением» [19, S. 131].

Историки оценивают его поступок по-разному. Одни упрекают его в том, что он со своей патетической «болтовней о руке, которая должна отсохнуть» дал националистам лозунги борьбы против собственной партии и против демократических сил Германии (Петер-Христиан Витт). Другие считают, что Шейдеман проявил «принципиальную твердость и мужество» (Ральф Штреммель), что его поступок – «признак необычайной силы характера» (Христиан Геллинек).

Чтобы дать объективную оценку действиям Шейдемана, необходимо помнить, что Ф. Шейдеман никогда не ставил должность выше своих принципов. Еще в феврале 1912 г., когда на выборах в рейхстаг СДПГ заняла сильные позиции, Шейдеман был избран первым вице-президентом рейхстага. Он получил 188 голосов против 174, отданных за консервативного депутата Дитриха. Однако Шейдеман находился на этой должности лишь 4 недели. Консервативно-буржуазная оппозиция не желала более видеть в президиуме рейхстага социал-демократа и обратилась с жалобой к кайзеру. Ф. Шейдеман не пожелал приспособляться к своим оппонентам и покинул пост.

Ради своих убеждений, как в период имперской Германии, так и республиканской, Шейдеман оставался преданным своим принципам. В данном случае он пожертвовал второй должностью в рейхе и до конца жизни отстаивал правильность своего выбора. В ответ на решение подписать Версальский договор

Шейдеман ответил: «...мы должны сказать “да”, мы, которые сидим в кабинете и перед всем миром уже сказали “нет”». Особенно его огорчила позиция коллег, в частности Эберта, моральная поддержка которого была очень важна для Шейдемана.

Ф. Шейдеман, уйдя из правительства, не прекратил свою деятельность. В конце 1919 г. его избрали на пост обер-бургомистра Касселя, что являлось событием для прусского города, где до этого обер-бургомистрами были исключительно юристы в соответствии с прусскими традициями управления [20, S. 562]. Кандидатуру Шейдемана предложил социал-демократ Альберт Гржезински. Что побудило Шейдемана сделать этот шаг?

В сентябре 1919 г. Шейдемана избрали председателем фракции СДПГ – большинства в Национальном собрании. (Хотя Шейдеман занял важную должность в парламенте, он не имел существенной поддержки.) Обсуждался также вопрос о его кандидатуре на место посланника в Вену. После того, как товарищи, по выражению Шейдемана, «бросили его на произвол судьбы», он ожидал конфликта с Эбертом и рейхсверминистром Носке, против политики которого он выступал. Как свидетельствуют мемуары Шейдемана, он согласился на новую должность только после того, как третья(!) делегация из Касселя его попросила вернуться в родной город и занять пост обер-бургомистра [9, S. 386].

В оппозиционной прессе давался неприглядный образ «кормушки», которую создала СДПГ для своих членов. Пост обер-бургомистра хорошо оплачивался. В 1925 г., накануне своего ухода на пенсию годовой доход Шейдемана как обер-бургомистра составлял 19800 рейхсмарок. Кроме того, он получал квартирные 1428 марок [21, S. 226]. Не говоря уже о его публицистской и журналистской деятельности и его пособии как депутата рейхстага.

И все же не деньги являлись главным мотивом занять кресло обер-бургомистра Касселя, скорее осознание неудачи его политической деятельности в рейхсреспублике и желание быть полезным партии в локальных рамках на посту в Касселе. К тому же он очень любил город, в котором родился, и тепло вспоминал детство, проведенное в нем. Только искренний человек, сохранивший где-то детскую непосредственность и обладавший большим чувством юмора, мог написать воспоминания о кассельских мальчишках, озорниках и проказниках [22, S. 161 ff].

Депутаты городского представительства от фракции СДПГ единогласно избрали Шейдемана обер-бургомистром как «дитя родного города». На общем собрании городского представительства за Шейдемана проголосовали 48 депутатов из 86. Представители Германской национальной народной партии (ГННП) и Германской народной партии (ГНП) бойкотировали заседание.

Последовали выпады против Шейдемана. После ряда оскорблений в оппозиционных изданиях измазали дом, в котором он жил, а 4 июня 1922 г. на Шейдемана было совершено покушение, когда он совершал прогулку в сопровождении своей дочери и внучки. Молодой человек, обогнавший Шейдемана, вытащил из кармана резиновую грушу и три раза выдавил из нее жидкость в лицо Шейдеману. Изучение химического состава показало, что в резиновой груше находилась легко испаряющаяся жидкость, которая по своему составу соответствовала применяемому в годы войны газу, помеченному маркировкой «синий крест», т.е. отравляющие вещества. Из-за долгого хранения в резиновой груше и сильного ветра доза оказалась не смертельной. Ф. Шейдеман упал без сознания, успев при этом сделать два выстрела из своего пистолета.

Когда стало известно о покушении, националистическая правая пресса заявила о комической стороне происшедшего (о попытке убить «с помощью законечника для клизмы») и о трагической (выстрелах в юношу, который «на самом деле заслужил пару оплеух»). «Schlesische Tagespost» объявила 6 июня 1922 г. об организации Шейдеманом упражнений в стрельбе по «безобидным гражданам». Ими оказались члены организации «Консул». Участники покушения на жизнь Ф. Шейдемана заявили на судебном процессе, что это была «божья кара» за то, что «Шейдеман сделал революцию и ослабил фронт» [23, S. 128] (24 июня 1922 г. будет убит также представителями организации «Консул» министр иностранных дел Вальгер Ратенау).

1 октября 1925 г. Шейдеман покинул пост обер-бургомистра Касселя. Оппозиция в лице бюргербунда Касселя считала, что Шейдеман жертвовал благополучием города ради партийной политики. Позитивные изменения в самом Касселе ассоциировались главным образом не с Шейдеманом, а с социал-демократическим депутатом городского совета Гансом Зауттером. Официально Шейдеман ушел на пенсию по состоянию здоровья. Он не оставил особого следа в коммунальной политике. Из него не получился управленец, каким являлся в то время Конрад Аденауэр, обер-бургомистр Кельна. О своем выборе стать обер-бургомистром Касселя Шейдеман позже пожалел. В своих мемуарах он ни словом не обмолвился о своей деятельности в Касселе, так мало она для него значила.

В 1922 и 1924 гг. Шейдемана избрали в правление фракции рейхстага, но его имя уже никогда не выдвигалось в качестве возможного кандидата на пост члена правительства. Его влияние в партии значительно уменьшилось. Шейдеман посвятил себя публицистической и парламентской деятельности. Правда, в рейхстаге он выступал редко, главным образом при обсуждении острых вопросов, как, например, в декабре 1926 г., когда осудил сотрудничество рейхсвера с

Красной армией и праворадикальными формированиями [24]. Шейдеман предостерегал от реакционной деформации республики [25, S. 400]. После прихода нацистов к власти Шейдеман эмигрировал за границу. Умер в 1939 г. в Копенгагене.

Всю жизнь Шейдеман оставался «политиком страсти»; скорее человеком слова, чем дела. Его рабочим местом была ораторская трибуна, где он мог дискутировать и отстаивать свою точку зрения. В годы Первой мировой войны Шейдеман проявил себя способным руководителем рабочих, представителем и рупором социал-демократии, которая как некая другая партия выражала надежды и чаяния рабочего класса. Его лавирование по сложным вопросам без четкой собственной позиции приводило к тому, правые считали его недостаточно правым, а левые – недостаточно левым, и одновременно с двух сторон нападали на него.

Он был хорошим парламентарием и блестящим оратором, но для серьезной управленческой работы не способен. Шейдеман, получив пост рейхсканцлера, потерял контакт с базисом и свою силу рабочего руководителя. Кроме того, ему как главе правительства сложно было действовать более эффективно. Во-первых, конституция ограничивала его компетенции как главы правительства. Во-вторых, стоявшие проблемы были настолько сложными, что в этом коллегиальном кабинете Шейдеману было практически невозможно преобладать в качестве отдельной личности, тем более при отсутствии воли к власти.

Ф. Шейдемана отличала преданность и верность своим принципам и в критических ситуациях – бескомпромиссность, как это, например, проявилось в отказе подписать Версальский договор. Он являлся убежденным борцом против антисемитизма, пангерманизма, нацизма, милитаризма.

В частной жизни Шейдемана отличали жизнерадостность и юмор. Он собирал карикатуры на себя, охотно пил хорошее вино и пиво. «Партийных политиков, которые интересуются только политикой, а больше ничем, мне всегда искренно жаль. Одностороннее движение в одном и том же маленьком круге, отказ от посещения ресторанов, театров и концертов, отсутствие интереса к спорту – что это за люди, что вообще знает человек о мире, который он хочет улучшить? Мне никогда не импонировали “революционеры”, которые получают спазмы желудка, если они видят кого-то, кто пьет литровую кружку пива, или исходят истощным криком, если рабочий подает ему напиток» [26, S. 231–232].

«Политик страсти», оратор, агитатор и трибун оставался себе верен всю жизнь. Он использовал право быть демократом в «расколотом обществе» в условиях «калейдоскопа политических возможностей». Он пытался быть демократической личностью в условиях массового неприятия демократии, так как она ассо-

цировалась с Версальским договором, выдвинутым демократическим Западом. Выступая же против Версальского договора как патриот своей страны, он тем самым как бы выступал против демократии, что было совершенно идентично в массовом сознании. Двойственность его положения заключалась также и в том, что он своей политической практикой на посту рейхсканцлера и обер-бургомистра продемонстрировал один из первых примеров становления профессиональных политиков, которые являлись до этого вы-

ходцами оппозиционных партий, поэтому проходили сложный период становления как государственника, а не просто представителя интересов одной партии. Такие политики, как Шейдеман – агитатор и оратор – готовили революцию, но они не нашли себе места в этом новом государстве и не были оценены немцами. По данным Эриха Фрома [27, S. 138], проводившем исследование в 1929 г., только один человек назвал Шейдемана выдающейся личностью в истории. Эберт же получил 30 голосов, или 5% от голосовавших.

Библиографический список

1. Keil, W. Erlebnisse eines Sozialdemokraten / W. Keil. Bd. II. – Stuttgart, 1948.
2. Brecht, A. Aus nächster Nähe. Lebenserinnerungen 1884–1927 / A. Brecht. – Stuttgart, 1966.
3. Das alte und das neue System von Johannes Fischart. Zweite Folge. Die Männer der Übergangszeit. – Berlin, 1920.
4. Kessler, H. Graf. Tagebücher 1918–1937 / H. Graf Kessler. – Frankfurt am Main, 1961.
5. Biographisches Lexikon zur Weimarer Republik / Hrsg. von Benz W. – München, 1988.
6. Huber, E.R. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Bd.4 Deutsche Verfassungsdokumente 1918–1933 / E.R. Huber. – Stuttgart ; Berlin ; Köln, 1992.
7. История Германии : в 3 т. : документы и материалы / под общ. ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. – Кемерово, 2005. – Т. 3.
8. Артемов, В.А. Фридрих Эберт – первый президент Германии / В.А. Артемов, Е.В. Кардашова. – Воронеж, 2001.
9. Scheidemann, F. Memoiren eines Sozialdemokraten / F. Scheidemann. 2 Bd. –Dresden, 1928.
10. Miller, S. Die Bürde der Macht. Die deutsche Sozialdemokratie 1918–1920 / S. Miller. – Düsseldorf, 1978.
11. Schmersal, H. Philipp Seidemann 1865–1939. Ein vergessener Sozialdemokrat / H. Schmersal. – Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern, 1999.
12. Akten der Reichskanzlei, Weimarer Republik. Das Kabinett Scheidemann 13. Feb. bis 20 Juni 1919. Bearbeitet von Hagen Schulze. – Boppard, 1971.
13. Deutsche Verwaltungsgeschichte. B.4 Das Reich als Republik und in der Zeit des Nationalsozialismus / Hrsg. von Kurt G.A. Jeserich, Hans Pohl, Georg-Christoph von Unruh. – Stuttgart, 1985.
14. Deutsche Parlamentsdebatten. B. II: 1919–1933. Hrsg. von D. Junker. – Frankfurt am Main, 1971.
15. Поттхофф, X., Миллер, С. Краткая история СДПГ 1848–2002 / X. Поттхофф., С. Миллер. – М., 2003.
16. Erzberger, M. Erlebnisse im Weltkrieg / M. Erzberger. – Stuttgart ; Berlin, 1920.
17. Stenografische Bericht Nationalversammlung von 12.5.1919. Bd. 327. – B., 1919.
18. Winkler, H.A. Der lange Weg nach Westen. Erster Band. Deutsche Geschichte vom Ende des alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik./H.A. Winkler. – München, 2000.
19. Koszyk, K. Zwischen Kaiserreich und Diktatur. Die Sozialdemokratische Presse von 1914 bis 1933 / K. Koszyk. – Heidelberg, 1958.
20. Deutsche Verwaltungsgeschichte. B.3 Das Deutsche Reich bis zum Ende der Monarchie. – Stuttgart, 1984.
21. Baum, T. Philipp Scheidemanns Wahl zum Oberbürgermeister von Kassel // Zeitschrift des Vereins für hessische Geschichte. – B.105. – Kassel, 2000.
22. Lademacher, H. Philipp Scheidemann // Die deutschen Kanzler von Bismark bis Schmidt. – Koenigstein Ts., 1985.
23. Hannover, H., Hannover-Drück, E. Politischer Justiz 1918–1933 / H. Hannover, E. Hannover-Drück. – Frankfurt am Main, 1966.
24. Zeidler, M. Reichswehr und Rote Armee 1920–1933: Weg und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit / M. Zeidler. – München, 1993.
25. Akten der Reichskanzlei, Weimarer Republik. Die Kabinette Marx III und IV: 17 Mai 1926 bis 26 Jan. 1927. 26 Jan. 1927 bis 29 Juni 1928, Bde. 2, Bearbeitet von Günther Abramowski. – Boppard, 1988.
26. Scheidemann, F. Memoiren eines Sozialdemokraten / F. Scheidemann. 1 Bd. – Dresden, 1928.
27. Fromm, E. Arbeiter und Angestellte am Vorabend des Dritten Reiches: e. sozialpsycholog. Unters / E. Fromm. – Stuttgart, 1980.